

A person with a backpack is seen from behind, walking down a street in a city that has been completely destroyed. The buildings are in ruins, with exposed brick and missing windows. Debris is scattered all over the ground. In the distance, a large, crumpled metal structure hangs from the sky, suggesting a catastrophic event. The overall atmosphere is one of desolation and the aftermath of war.

Виктор Канюк

Разлом

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктор Канюк

Разлом

«Автор»

2026

Канюк В.

Разлом / В. Канюк — «Автор», 2026

«Разлом» Мир сломался не от войны и не от вируса. Реальность дала трещину. Артём Новиков только вернулся из армии. Первый день в университете, общежитие на краю леса, скучные пары — обычная жизнь, о которой он мечтал два года. Но на второй день что-то пошло не так. Птицы замолчали. Еда потеряла вкус. Люди начали вести себя странно. А ночью раздался удар — глухой, как будто по земле ударили молотом. Когда Артём пришёл в себя, мир был другим. Разрушенные кварталы вперемешку с нетронутыми. Мёртвые тела в коридорах общежития. И тишина — тяжёлая, плотная, в которой прячется нечто чужое. Вместе с двумя выжившими ему предстоит пересечь город, который больше не подчиняется законам физики. Сквозь аномалии, где время идёт вспять, сквозь улицы, захваченные существами из других измерений, сквозь страх, который не отпускает ни на секунду. Потому что мир не просто разрушен — он стал дверью. И эта дверь открыта в обе стороны.

© Канюк В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Виктор Канюк

Разлом

Глава 1

Артём проснулся за три минуты до будильника. Эта привычка осталась с армии — организм сам включался за минуту до подъёма, чтобы успеть собраться раньше окрика дневального. Здесь никто не кричал, но тело помнило. Он лежал и смотрел в потолок, и где-то глубоко внутри ещё звучал голос сержанта: «Подъём, бойцы, бегом-бегом, пока я добрый». Голос был чужой, давний, но тело помнило его до сих пор.

Дембельнулся он три недели назад. Собрал вещмешок, сел в поезд, двое суток смотрел в окно на пролетающие мимо леса и полустанки. Мать встретила на вокзале — плакала, обнимала, говорила, что он похудел. Отец не приехал. Они развелись, пока Артём служил, и теперь у отца была новая семья где-то на другом конце города. Артём не обижался — он и сам не знал, о чём с ним говорить после двух лет в казарме.

В армии всё было просто: приказ — исполнение. Здесь всё было сложно, и он пока не разобрался, как в этом жить. Мир казался ему ненастоящим — слишком тихим, слишком мирным, слишком... обычным. Как будто он попал в симуляцию. Люди вокруг спешили по своим делам, смеялись, говорили о пустяках, а он стоял и не понимал, как это работает. Как можно беспокоиться о кредите или новой модели телефона, если ты никогда не стоял в наряде по кухне в минус двадцать?

Он лежал, глядя в потолок. Общежитие НГУ, комната на двоих. Сосед ещё не заехал — в комендатуре сказали, что это будет какой-то первокурсник, явится к концу недели. Пока Артём жил один. Голые стены, казённая мебель, запах старой побелки и едва уловимый запах сырости от окна. Окно выходило на лес — общага стояла на краю Академгородка, сразу за дорогой начинались сосны.

Он думал о том, что надо будет решать: оставаться на гражданке или подписывать контракт. В армии ему предлагали — заметили, что парень толковый, не ноет, нормативы сдаёт. Полковник даже сказал: «Новиков, у тебя талант, в красные береты пойдёшь, если не сглупишь». Но это значило бы вернуться в казарму, и мать бы не пережила. Она и так два года писала письма каждую неделю, и каждое начиналось с «Сынок, ты там осторожнее». Артём не знал, чего он хочет. Пока — универ. Потом видно будет.

Было тихо. Не по-настоящему тихо, а так, как бывает в старых зданиях, где звуки просто тонут в бетоне. Где-то далеко хлопнула дверь, скрипнули половицы этажом выше. Артём привык к другой тишине — казарменной, когда в помещении спит сорок человек и каждый звук множится эхом. Здесь тишина была мягче. Почти уютная. Но что-то в ней было неправильное — он чувствовал это краем сознания, но не мог ухватить. Как будто тишина была слишком глубокой, как затишье перед грозой.

Будильник зазвонил. Артём сбросил его и сел на кровати. Холодный пол под босыми ногами. Он потянулся, хрустнув плечами, и несколько секунд просто сидел, разгоняя сон.

Первый день в университете. Два года назад он бы волновался. Сейчас — нет. После армии всё ощущалось иначе. Не притуплённо, а спокойно. Как будто внутри что-то перегорело и теперь горело ровно, без вспышек. Иногда он думал: может, это и есть взросление? Не когда ты начинаешь понимать жизнь, а когда перестаёшь ждать от неё чего-то особенного?

Он встал, нашарил тапки. Взял полотенце, зубную щётку, мыло в пластиковой мыльнице. Вышел в коридор.

Умывальник был в конце коридора — длинное помещение с рядом раковин, общая душевая за перегородкой, туалетные кабинки. Пахло хлоркой, влажным кафелем и чем-то кислым. Из крана текла только холодная — горячую обещали дать в октябре, когда запустят котельную. Артём умылся, стиснув зубы от ледяной воды. Почистил зубы, глядя в мутное зеркало, прикрученное к стене над раковиной.

Отражение было всё ещё армейским. Короткий ёжик волос, обветренная кожа, глубокие тени под глазами. За месяц дома тени почти не ушли. Мать сказала: «Ты как будто на десять лет старше стал». Он тогда отшутился, но в зеркале видел то же самое. Лицо человека, который привык спать вполглаза.

Он вытерся, вернулся в комнату. Оделся: джинсы, футболка, толстовка с капюшоном. Кроссовки старые, но целые. Поставил на тумбочку жестяную армейскую кружку — единственную вещь, которую привёз из части, — налил в неё воды из бутылки. Кружка была тяжёлая, с выбитым номером части на боку. Он провёл пальцем по цифрам — привычка, оставшаяся ещё с учебки. Телефон проверил — сорок два процента зарядки. Сообщение от матери: «Как устроился? Напиши, как пары пройдут». Артём набрал короткое «Ок» и убрал телефон в карман. Он ответил коротко, как привык за два года — когда каждое письмо домой шло через цензуру и лишних слов не полагалось.

Сумка через плечо. Внутри — блокнот, ручка, пауэрбанк на всякий случай. Он не знал, что положено носить с собой на пары, и решил, что разберётся по ходу.

2

Столовая нашлась в цокольном этаже. Лестница вниз, запах подгорелого масла усиливался с каждой ступенькой. Внизу — длинный зал с рядами столов, раздаточная, гудит вытяжка. Гул был низкий, монотонный — он напоминал Артёму звук армейского генератора. Несколько студентов уже сидели, склонившись над подносами: парень в наушниках ковырял омлет, две девушки о чём-то тихо переговаривались. Артём взял поднос, встал в очередь.

— Овсянка или омлет, — сказала женщина на раздаче. Голос усталый, лицо не напоминающееся. Артём заметил, что она смотрит куда-то сквозь него — не в глаза, а в лоб, как будто там написано что-то важное. Или как будто она вообще не здесь.

— Овсянка.

— Чай, кофе?

— Чай.

Она плеснула кипятка в гранёный стакан, кинула пакетик. Артём расплатился, взял поднос, сел у окна.

За стеклом — серое сентябрьское небо, мокрая трава, люди в куртках спешат к учебным корпусам. Деревья ещё зелёные, но уже чувствовалась осень — в воздухе, в свете. Свет был странный — не яркий, но и не тусклый. Какой-то плоский, без теней. Артём заметил это, но не придавал значения. Может, просто глаза ещё не привыкли к гражданской жизни. Может, всё дело в том, что он слишком долго смотрел на мир через армейские очки.

Пахло прелыми листьями и хвоей. Этот запах напоминал о детстве — то ли о даче, то ли о походах с отцом, когда они ещё жили вместе. Артём помнил: палатка, костёр, отец учит его вязать узлы. Потом развод, и походы кончились. Отец уехал, мать осталась одна. Артём поступил в универ, но тут же получил повестку — пришлось брать академический отпуск и идти служить. Два года в сапогах, а теперь он сидит в студенческой столовой и ест овсянку.

Овсянка была склизкая, яйцо переваренное, чай слишком сладкий. Артём ел методично, не отвлекаясь. В армии приучили: ешь что дают, жуй долго, не оставляй. Он доел всё до последней ложки, допил чай. Вкус был так себе, но он не жаловался. После армейской тушёнки и перловки трижды в день гражданская еда казалась деликатесом. Хотя что-то в ней было не так. Какой-то привкус — не противный, но странный. Будто еда была чуть-чуть выдохшейся. Или будто его вкусовые рецепторы ещё не перестроились после двух лет баланды.

Телефон пиликнул. Мать: «Ты позавтракал?» Мать всегда писала «Как прошёл день?» или «Ты позавтракал?», будто он всё ещё в школе. Артёма это раздражало и трогало одновременно. Он ответил: «Да», — и убрал телефон.

До первой пары оставалось полчаса. Артём вышел на улицу, достал сигареты. Закурил, стоя на крыльце столовой, глядя на территорию университета.

Она была красивой, эта территория. Старые корпуса, сосны, тишина. Академгородок вообще был странным местом — лес посреди города, научные институты, общаги, тропинки, по которым ходили профессора и студенты. Здесь всё было по-другому — не как на левом берегу, где прошло его детство. Там из окна видны были только соседние дома и гаражный кооператив, а небо всегда было серым от заводского дыма. Здесь небо было чистым, воздух пах сосной, и тишина стояла такая, что звенело в ушах. Он не привык к такой тишине. В армии тишина была другой — напряжённой, когда ждёшь окрика или сигнала. Здесь тишина была спокойной. Почти мирной. Но что-то в ней было неправильное — как будто она была слишком полной. Слишком абсолютной. Как в изолированной комнате, где не слышно даже собственного пульса.

Он докурил, затушил бычок о подошву, кинул в урну. Пора.

3

Аудитория была на третьем этаже главного корпуса. Артём поднялся по лестнице, нашёл дверь с нужным номером. Внутри уже сидели человек двадцать — первокурсники, такие же, как он, только на пять лет младше. Кто-то громко обсуждал летнюю поездку на Алтай, кто-то спал, положив голову на рюкзак. Девушка с ярко-розовым чехлом на телефоне делала селфи на фоне пустой доски. Артём прошёл на задний ряд, сел у окна.

Никто не обратил на него внимания. И хорошо.

Прозвенел звонок. Вошёл преподаватель — мужчина лет пятидесяти, седоватый, в поношенном пиджаке. Положил портфель на стол, оглядел аудиторию. Артём заметил, что он моргнул как-то странно — не быстро, а медленно, как ящерица. Или показалось.

— Введение в специальность, — сказал он. — Записывайте: будем говорить о том, что вы тут вообще забыли.

Артём открыл блокнот, записал дату. Поставил точку. Лекция потекла как вязкий кисель — термины, определения, какие-то имена. Он слушал вполуха, записывая ключевые слова. В армии научился вычленять важное из потока информации. Здесь поток был медленнее. Проще.

За окном что-то мелькнуло. Он повернул голову — ничего. Только сосны качаются на ветру. Птица, наверное. Или лист упал. Он снова уставился в блокнот, но странное чувство осталось — будто за ним кто-то наблюдает.

Вторая пара — история. Преподаватель рассказывал о Киевской Руси, рисовал на доске стрелочки и даты. Артём смотрел в окно. Сосны качались на ветру. В армии он тоже смотрел в окно — но там был плац, казармы и забор с колючей проволокой. Здесь — лес. Разница была существенной. Но временами ему казалось, что лес тоже смотрит на него. Глупость, конечно. Деревья не смотрят. Но чувство не уходило — какое-то смутное, тревожное, будто за соснами кто-то стоял и ждал.

Третья — английский. Молодая преподавательница с усталым лицом включила аудиозапись, и голос с идеальным британским акцентом начал рассказывать о достопримечательностях Лондона. Артём понимал через слово. В школе у него был немецкий, а в армии английский не требовался. Он записал несколько слов — «Tower», «bridge», «royal» — и отложил ручку.

К середине дня он исписал пять страниц, выпил полбутылки воды из автомата и съел батончик, который нашёл в рюкзаке ещё со вчерашнего дня.

Он смотрел на одноклассников и чувствовал себя чужим. Не лучше, не хуже — просто чужим. Они обсуждали каких-то блогеров, жаловались на расписание, строили планы на вечер.

Артём слушал и молчал. Ему нечего было добавить. Он не знал, о чём говорить с людьми, которые никогда не стояли в наряде по кухне и не бегали кросс в минус двадцать.

Одна из девушек обернулась и посмотрела на него. На секунду ему показалось, что её взгляд был пустым — не просто незаинтересованным, а именно пустым. Как у манекена. Девушка моргнула, улыбнулась и отвернулась к подругам. Артём потряс головой. Показалось. Всё показалось.

После третьей пары он вышел на улицу. Воздух всё ещё был холодным, но облака разошлись, и пробилось солнце — слабое, осеннее, но всё-таки солнце. Артём сел на скамейку у корпуса, достал сигареты.

Рядом приземлился парень. Худой, светловолосый, в очках. Тоже с сигаретой.

— У тебя зажигалка есть? — спросил он.

Артём кивнул, протянул зажигалку.

— Спасибо. — Парень прикурил, затянулся. — Ты с какого потока? Я тебя раньше не видел.

— Я только поступил. После армии.

— А, — парень понимающе кивнул. — Тяжело, наверное, с мелюзгой учиться?

— Нормально.

— Я Лёха, — он протянул руку.

— Артём.

Они покурили молча. Артём смотрел, как ветер гонит по дорожке сухие сосновые иголки. Лёха затягивался и щурился на солнце.

— Ты на кого учишься? — спросил Артём, просто чтобы не молчать.

— На эколога. А ты?

— Физика. Прикладная.

— О, — Лёха усмехнулся. — Будешь нам лазеры делать.

— Может, и лазеры, — Артём пожал плечами.

Лёха затянулся ещё раз, выдохнул дым.

— Слушай, ты ничего странного не заметил?

Артём повернул голову.

— В каком смысле?

— Ну, не знаю. — Лёха почесал затылок. — Свет какой-то не такой. И тихо слишком. Я с утра вышел — птиц нет. Вообще. Ты когда-нибудь видел, чтобы в сентябре в лесу не было птиц?

Артём вспомнил утро — пустую тишину за окном. Вспомнил, как шёл через лесопарк и не слышал ни одной вороны.

— Не знаю, — сказал он. — Я не орнитолог.

— Ну да. — Лёха хмыкнул. — Просто странно. И ещё... — Он замолчал, будто передумал. — А, ладно. Просто странно.

— Что?

— Да так. Спал плохо. Приснилось что-то. Не помню.

Они помолчали ещё. Лёха оказался не из болтливых — и это было кстати. Но его слова зацепились в голове, как репей.

Перед тем как уйти, Лёха обернулся.

— Слушай, сегодня ночью бабахнуло что-то. Тоже слышал?

Артём не успел ответить — тот уже зашагал к корпусу.

Артём проводил его взглядом. Значит, не показалось. Значит, кто-то ещё это слышал. Докурил, выкинул бычок и пошёл обратно в корпус.

После пятой пары голова гудела. Артём вышел из корпуса, когда уже начало темнеть. Дни в сентябре короткие, сумерки наступали быстро. Сосны за дорогой стали чёрными на фоне тёмно-синего неба. Он постоял на крыльце, вдыхая холодный воздух. Пахло хвоей, сырой землёй и приближающейся ночью. В кармане лежала пачка сигарет — он нащупал её, но не стал доставать. Надо было экономить. Стипендия ещё не пришла, а те деньги, что дала мать, таяли быстро.

Закат был странным — не красный, не оранжевый, а какой-то блёклый, размытый, будто кто-то стёр краски с неба. Солнце опускалось за лес, и свет, который оно давало, был слабым, словно через матовое стекло. Артём смотрел на это и думал: может, так всегда бывает осенью в Академгородке — он просто не привык. Может, на левом берегу закаты были такими же, просто он не обращал внимания.

Он решил немного пройтись перед ужином — хотелось посмотреть на Академгородок. Говорили, что здесь есть ботанический сад, и он пошёл по тропинке вглубь леса. Дорожка петляла между сосен, вывела к небольшому пруду. Вода была тёмной и неподвижной, как зеркало. На другом берегу стоял деревянный дом — какая-то лаборатория, судя по вывеске. Артём постоял, посмотрел. Вспомнил, как в детстве они с отцом ездили на Обское море, ставили палатку на берегу и жарили шашлыки. Тогда ещё всё было по-другому. Тогда ещё не было ни развода, ни армии, ни этой дурацкой тишины внутри.

Что-то всплеснуло в пруду. Артём обернулся — круги расходились по воде. Рыба? Лягушка? Он не увидел ничего. Но спине стало холодно — тот самый холодок, который он помнил по учебке, когда проходили разведку и учились чувствовать засаду. Он постоял ещё минуту, глядя на тёмную воду, и пошёл обратно. Быстрым шагом.

В столовой он взял гречку с котлетой, компот, хлеб. Сел на то же место у окна. Ел методично, думая о том, что завтра нужно будет найти расписание на неделю и купить нормальной еды в магазине. Столовая еда была дешёвой, но через месяц такой кормёжки желудок начнёт протестовать. Надо было купить сковородку, электроплитку — если коменда разрешит. Или хотя бы кипятильник. В армии он привык обходиться малым, но здесь хотелось чего-то нормального. Горячего супа. Картошки с маслом. Чай был слишком сладкий, но он выпил его залпом — просто чтобы запить ужин.

После ужина он вернулся в общагу. Поднялся на свой этаж. В коридоре горел тусклый свет, пахло всё той же хлоркой. Кто-то громко слушал музыку за одной из дверей — басы глухо ухали сквозь стены. Свет в коридоре мигнул — на долю секунды. Артём остановился, посмотрел на лампу. Лампа горела ровно. Он прошёл в свою комнату, закрыл дверь.

Тишина.

Он сел на кровать, стянул кроссовки. Ноги гудели — с непривычки много ходил. Поставил телефон на зарядку, включил маленький настольный светильник. Достал блокнот, пролистал записи за день. Сухо, коротко, ничего лишнего.

За стеной — звук шагов. Кто-то заехал к соседям. Голоса: мужской и женский, смех, потом тишина. Артём подумал, что у кого-то жизнь идёт своим чередом — пары, встречи, планы на выходные. А он сидит один в пустой комнате и не знает, чего хочет. Может, это нормально. Может, после армии всем так. Он не спрашивал.

Он разделся до футболки и трусов, лёг на кровать. Простыня была колючей, казённой, пахла порошком. За окном шумели сосны.

Он думал о завтрашнем дне. Вторая половина дня свободная — можно сходить в магазин, купить нормальную еду, может, даже сковородку и электроплитку, если коменда разрешит. Нужно было обустраиваться, делать из этой комнаты жильё.

Телефон пиликнул. Мать: «Как прошёл день?» Он ответил: «Нормально. Завтра напишу подробнее».

Он хотел добавить что-то ещё — про лес, про пруд, про странный закат, про слова Лёхи о птицах, — но не стал. Она будет волноваться. А волноваться было не о чем. Пока.

Артём лежал и смотрел в потолок, пока глаза не начали слипаться. Мысли текли медленно, без тревоги. Первый день прошёл. Завтра будет второй.

Перед сном он вспомнил лицо девушки в аудитории — её пустой взгляд. Вспомнил всплеск на пруду. Вспомнил, как мигнул свет в коридоре. И подумал: странный день. Всё как обычно — и всё не так.

Перед сном ветер за окном стих. Совсем. Деревья не шевелились. Артём проваливался в сон и не придумал этому значения.

5

Проснулся он от звука.

Что-то хлопнуло — резко, гулко, как будто упало что-то тяжёлое. Или взорвалось вдалеке. Артём открыл глаза, сел. Сердце колотилось, но он дышал ровно — сказывалась привычка просыпаться мгновенно.

За окном было темно. Сосны стояли неподвижно — ветра не было вообще. Телефон показал 02:14.

В коридоре зажглась полоска света под дверью — и через пару секунд погасла. Фонари за окном тоже мигнули и потухли. Артём смотрел в темноту, ожидая, что они включатся снова. Они включились. Через четыре секунды. Утром он про это не вспомнил.

Он прислушался. Тишина. Потом — снова звук. Далеко, едва слышно, как будто гром, но какой-то неправильный. Не раскатистый, а глухой, как если бы по земле ударили исполинским молотом.

Артём встал, подошёл к окну. На улице — ничего. Темнота, деревья, дорога, фонари горят жёлтым. Всё как обычно. Но что-то было не так. Он вглядывался в темноту за соснами — и ему казалось, что там кто-то стоит. Не человек — что-то больше. Или тень. Или просто игра воображения.

Он постоял минуту-другую. Звук не повторился. Облака закрывали луну. Сосны не шевелились — ветер так и не вернулся.

Артём отошёл от окна, лёг обратно. Возможно, гроза. Возможно, что-то на стройке. Возможно, показалось.

Он закрыл глаза. Сон пришёл не сразу — пришлось полежать минут двадцать, прежде чем мысли перестали крутиться вокруг глухого звука из темноты.

Последнее, что он подумал перед тем, как заснуть: «Надо будет посмотреть новости утром». И ещё одна мысль — тихая, почти незаметная: «А что, если новостей уже нет?»

Глава 2

Глава 2. Второй день

1

Артём проснулся с головной болью. Не сильной — тупой, давящей, где-то за глазами. Телефон показывал 07:48. Будильник не сработал — или он его сбросил во сне и не запомнил.

Ночные воспоминания были смутными. Глухой удар, темнота, фонари, которые мигнули и погасли. Всё это казалось теперь тяжёлым сном — из тех, что забываешь через пять минут после пробуждения, но осадок остаётся на полдня. В висках пульсировало. Он потёр лицо ладонями, пытаясь стереть остатки сна.

Он сел на кровати. Во рту было сухо — как будто он спал с открытым ртом. Вода в бутылке на тумбочке нагрелась за ночь, но он всё равно налил полную кружку и выпил залпом. Тёплая вода не утолила жажду, но хотя бы смочила горло. Артём посидел ещё минуту, приходя в себя, и потянулся к телефону.

Телефон пиликнул — уведомление. Артём открыл новости. Заголовки: «Перебои с электричеством в нескольких районах», «МЧС: причиной стали технические неисправности на подстанции», «Очевидцы сообщают о вспышках в небе — эксперты исключают техногенный характер». Он пролистал ещё пару заметок — везде одно и то же. Вспышки, перебои, МЧС успокаивает. В комментариях люди писали про странный гул, про мигающие лампы, про то, что животные ведут себя нервно. Но такие комментарии были под любой новостью — вечный шум интернета.

Артём отложил телефон. Ничего серьёзного. Авария на подстанции, гроза, атмосферное электричество — какая разница. Ему надо на пары.

Он оделся, взял сумку, вышел в коридор. Умылся ледяной водой. В зеркале — всё то же лицо, только тени под глазами чуть темнее обычного. Не выспался. Он плеснул ещё воды в лицо, растёр щёки. Не помогло. Усталость была глубже — не от недосыпа, а от чего-то другого. Как будто он проспал всего час вместо семи.

Он вернулся в комнату, проверил телефон. Мать не писала. Странно — обычно она присылала сообщение первой, ещё до того, как он просыпался. «Доброе утро, сынок» — с неизменной улыбающейся эмодзи. Сегодня экран был пуст. Может, забыла. Может, у неё разрядился телефон. Может, просто решила дать ему выспаться. Он сам написал: «Доброе утро». Отправил. Сообщение повисло с одной серой галочкой — не доставлено. Он подождал минуту. Галочка не сменилась на двойную.

Ладно. Связь барахлит после вчерашнего. Обычное дело.

2

Он вышел из общаги в восемь пятнадцать. До первой пары оставалось сорок пять минут — с запасом. Решил срезать через лесопарк, чтобы не обходить по дороге мимо памятника академику Коптюгу, который местные называли «Валетом» — бетонная голова на постаменте, вечно загаженная голубями. Но сегодня голубей не было.

Лесопарк начинался сразу за общежитием. Сосны, берёзы, тропинка, усыпанная рыжей хвоей. Обычно здесь было шумно — вороны, синицы, дрозды. Особенно вороны. Они орал по утрам так, что закладывало уши. Артём помнил этот звук с первого дня — резкое карканье, которое доносилось даже до его комнаты на третьем этаже.

Сегодня было тихо.

Он прошёл метров двести, прежде чем осознал это. Не просто тихо — мёртвая тишина. Ни одной птицы. Ни шороха в кустах. Даже ветра не было — ветки стояли неподвижно, как на картине. Только его собственные шаги хрустели по хвое, и этот звук казался оглушительно громким в пустом лесу.

Он остановился. Прислушался. Ничего. Настоящее ничего — не тишина, а отсутствие звука. Как в вакууме. Артём вспомнил, как в армии они проходили курс выживания и инструктор говорил: «Если в лесу наступает полная тишина — значит, рядом хищник. Птицы замолкают, когда danger близко». Тогда он не придал этому значения. Сейчас слова инструктора всплыли в памяти с ледяной отчётливостью.

Странно. Но объяснимо. Может, погода. Может, птицы улетели перед грозой. Он не разбирался в птицах, чтобы судить.

Он двинулся дальше, но теперь шёл медленнее, оглядываясь по сторонам. Лес казался чужим. Родные сосны, по которым он ходил вчера, теперь выглядели как декорации — ненастоящие, слишком неподвижные. Даже запах был другой. К хвое примешивалось что-то кислое, резкое — как будто где-то рядом раздавили муравейник.

Через пару минут он заметил дым. Серый столб поднимался откуда-то из-за деревьев, левее тропинки. Не лесопарк — дальше, за дорогой, где начинался настоящий лес. Далеко, километра два-три. Но дыма было много. Густой, жирный, он не рассеивался, а стоял столбом, подсвеченный утренним солнцем. Дым был слишком плотным для обычного лесного пожара — в нём было что-то химическое, неестественное.

Артём не стал объяснять себе, откуда дым. Пожар, авария — какая разница. У него пары через полчаса.

Но запах усилился. Кисловатый, резкий. Так пахнет муравьиная кислота — Артём помнил с детства, когда разорял муравейники палкой. Но здесь запах был сильнее. Гуще. Как будто где-то рядом раздавили миллион муравьёв. Он пробирался в нос, оседал на языке, и Артём почувствовал лёгкую тошноту.

Он сморщился, ускорил шаг. Запах остался позади, но не исчез — просто стал слабее, как фон. Как будто весь лес был пропитан этой кислотой.

Когда Артём вышел из лесопарка к учебному корпусу, он всё ещё чувствовал этот запах на одежде. Или ему казалось. Он понюхал рукав толстовки — обычный запах ткани и сигаретного дыма. Но что-то в нём изменилось. Какой-то оттенок, которого раньше не было.

Он закурил, стоя на крыльце, и постарался выбросить всё из головы. Сигарета имела вкус. Хоть что-то.

3

Пара была по математике. Аудитория на втором этаже, большая, человек сорок. Артём сел на задний ряд, у окна. Достал блокнот. Солнце било сквозь стекло, но свет был какой-то блёклый, размытый — как вчера на закате. Артём прищурился, посмотрел на небо. Облака висели низко, но не дождевые — просто серая пелена, затянувшая горизонт.

Преподаватель — сухая женщина в очках — что-то писала на доске мелом. Артём записывал, но мысли уходили в сторону. Дым. Запах. Тишина в лесу. Слова Лёхи про птиц. Он заставил себя сосредоточиться на формулах. Интегралы. Пределы. Всё это казалось сейчас бессмысленным — как учить таблицу умножения на тонущем корабле.

Впереди, через два ряда от него, сидела девушка. Светлые волосы, бледная кожа — даже для сентября слишком бледная. Артём заметил её не сразу, а когда заметил, не мог отвести взгляд.

Она вертела головой. Не просто поворачивала — дёргала. Влево, вправо, снова влево, как птица. Движения были резкими, механическими — будто кто-то дёргал её за ниточки. Пальцы барабанили по парте — быстро, неровно, без ритма. Губы шевелились — она что-то шептала, но без звука. Артём видел, как двигаются её челюсти, но не слышал ни слова.

Он не мог оторваться. Что-то в ней было неправильное — не просто странное, а глубоко, фундаментально неправильное. Как в сломанной кукле. Как в человеке, из которого вынули что-то важное.

Сзади кто-то наклонился к нему. Сосед — парень в серой толстовке, которого Артём не знал по имени.

— Она с утра такая, — прошептал он. — Глаза красные, на вопросы не отвечает. Я пытался спросить, нормально ли всё, — ноль реакции.

— Может, врача? — тихо спросил Артём.

— Кто ж её поведёт? Она не встаёт. Просто сидит и делает это.

Артём кивнул. Хотел что-то ответить — и в этот момент девушка обернулась.

Резко. Без перехода. Только что вертела головой влево-вправо — и вдруг замерла, глядя прямо на него.

Глаза действительно были красные. Не воспалённые — а именно красные, как будто лопнули сосуды по всему белку. Зрачки расширены, несмотря на яркий свет из окна. Взгляд пустой. Она смотрела сквозь Артёма, в точку где-то за его затылком. И что-то в этом взгляде было нечеловеческое — не безумное, а именно нечеловеческое. Так смотрит рептилия в террариуме — без эмоций, без мысли, просто фиксируя движение.

Прошла секунда. Две. Три. Артём не мог пошевелиться. Холодок пополз по спине — тот самый, с лестницы. Девушка моргнула — медленно, как ящерица, — и отвернулась. Продолжила вертеть головой.

Артём выдохнул. Он не заметил, что задержал дыхание.

— Вот так всё утро, — прошептал сосед сзади. — Жутко, да?

Артём ничего не ответил. Записал ещё одну формулу, не глядя на доску. Рука была твёрдой — он заставил её быть твёрдой. Но внутри что-то дрогнуло. Что-то подсказывало ему: это не просто больная студентка. Это что-то другое. И это другое начиналось не сегодня.

4

Он отвлёкся от лекции и посмотрел в окно.

За окном было серое небо, сосны, пустая дорога. Ничего необычного. Артём уже собирался отвернуться, когда краем глаза заметил движение.

Что-то пролетело мимо окна. Быстро. Очень быстро. Тень — тёмная, вытянутая, размером больше птицы. Гораздо больше. Артём успел заметить силуэт — удлинённый, угловатый, — и всё исчезло.

Он замер. Подождал. Ничего. Небо за окном было пустым. Но ощущение осталось — как будто что-то большое только что прошло мимо, совсем близко, и могло вернуться.

Птица, подумал он. Большая птица. Ворона. Или коршун. Бывают здесь коршуны? Он не знал. Но вороны не летают с такой скоростью. И у ворон нет угловатых силуэтов.

— Ты чего? — прошептал сосед сзади.

— Ничего, — ответил Артём. — Показалось.

Он отвернулся от окна и заставил себя слушать лекцию. Но краем глаза продолжал следить за небом.

5

В столовой было тихо.

Артём взял поднос, встал в очередь. Гречка, котлета, компот. Всё как вчера. Женщина на раздаче всё так же смотрела в одну точку и двигалась как автомат. Он сел за свой обычный стол у окна, взял ложку.

Гречка была безвкусной. Не пресной — а именно безвкусной, как будто жевал картон. Он попробовал котлету — то же самое. Мясо, панировка, соль — всё на месте, но вкуса нет. Как если бы рот онемел. Артём вспомнил, как в детстве ему удаляли зуб под местной анестезией и он потом полдня не чувствовал вкуса еды. Сейчас было так же.

Он отпил компот. Сладкий. Приторный. Слишком сладкий, как сироп — но при этом без вкуса ягод. Просто сладкая вода с химическим послевкусием. Запах от подноса шёл неесте-

ственный — не едой, а чем-то химическим, как дешёвый ароматизатор. Так пахнут освежители воздуха в общественных туалетах.

Артём попытался есть дальше. Не смог. Отодвинул поднос. В армии он привык доедать всё до последней крошки, но сейчас желудок сжимался при одной мысли о следующей ложке. Не от голода — от отвращения. Еда была настоящей, но организм отказывался её принимать.

Он огляделся. В столовой сидело человек тридцать, но стояла тишина. Не полная — кто-то двигал подносами, кто-то пил чай, — но никто не разговаривал. Люди сидели по одному или по двое, жевали механически, глядя в одну точку. Лица были пустые. Как у девушки на лекции — только глаза не красные. Но такие же пустые.

Краем глаза Артём заметил парня через два стола — тот поднёс ложку ко рту, замер, опустил руку. Так и сидел, глядя в тарелку. Не моргая. Девушка рядом с ним делала то же самое — замерла с вилкой в воздухе, уставившись в стену. Как будто кто-то поставил их на паузу.

Артём встал. Отнёс поднос. Вышел на улицу. Закурил. Сигарета имела вкус — горький, терпкий, настоящий. Хоть что-то в этом мире оставалось реальным.

6

Остаток дня прошёл как в тумане. Ещё две пары — Артём отсидел их на автомате, записывая то, что говорили преподаватели, не вникая в смысл. Мысли возвращались к матери. Он снова написал ей: «Как дела?» Сообщение опять не доставилось. Серый кружок с одинокой галочкой.

Он позвонил. Длинные гудки. Один. Второй. Третий. Сброс. Он перезвонил — то же самое.

Тревога, которая весь день висела на заднем плане, начала выползать на первый. Мать всегда отвечала. Всегда — даже когда была занята, даже когда спала, она брала трубку. «Сынок, что случилось?» — это было её первое слово, не «алло», а именно эта фраза, как будто она ждала от него плохих новостей.

Артём набрал отца. Тот жил отдельно, на другом конце города, с новой семьёй. Гудки. Пять, шесть. Автоответчик: «Абонент временно недоступен». Артём сбросил. Отец редко брал трубку — но автоответчик означал, что телефон хотя бы жив.

Аппарат в его руке нагрелся и чуть завибрировал — не уведомление, а что-то другое, как будто внутри коротнуло. Артём посмотрел на экран. Полоса сети дёрнулась — одно деление, два, снова ноль. Он перезагрузил телефон. Сеть появилась, но слабая, еле живая.

После пар он зашёл в магазин при общепитии. Продавщица, пожилая женщина в синем фартуке, считала сдачу медленно, глядя в одну точку. Её пальцы двигались, как механические — отсчитать купюру, положить на стол, отсчитать следующую. Артём стоял и смотрел, чувствуя, как холодок снова ползёт по спине.

— У вас всё нормально? — спросил он.

Она подняла глаза. В них ничего не было. Вообще ничего — ни усталости, ни раздражения, ни вежливости. Просто пустота.

— Да, — сказала она. Голос был ровный, без интонации. — Всё нормально. Возьмите сдачу.

Он взял пакет, вышел. За дверью остановился и оглянулся. Продавщица стояла за кассой и смотрела перед собой — так же, как студенты в столовой. Как будто ждала следующей команды.

В общаге было душно. Он закрыл окно — стало лучше. Сделал домашнее задание, кое-как, через силу. Проверил телефон — мать не ответила. Позвонил снова. Гудки. Сброс.

Тревога была смутной, без формы. Он не мог объяснить, что именно не так. Дым в лесу, странная девушка, безвкусная еда, пустые лица — всё по отдельности объяснимо. Но вместе это складывалось во что-то неправильное. Как картинка, которая на первый взгляд нормаль-

ная, а приглядишься — пропорции не те. Тени падают не в ту сторону. Отражения в зеркалах запаздывают на долю секунды.

Он лёг в кровать в одиннадцатом часу. Сон не шёл. Он лежал в темноте, слушал тишину за окном — даже сосны не шумели, ветра не было уже второй день — и ждал чего-то. Чего — он не знал. Может, звонка. Может, удара. Может, просто рассвета.

Заснул около полуночи. Телефон положил рядом с подушкой, на случай если мать перезвонит.

7

Звонок разбудил его в два часа ночи.

Артём открыл глаза мгновенно — сработала армейская привычка. Телефон вибрировал и светился на подушке. На экране: «Мама».

Он схватил трубку.

— Аллю.

— Сынок, ты меня слышишь? — Голос матери был взволнованным, почти испуганным. — У нас тут...

Связь оборвалась. В трубке — шипение, треск, потом сухой щелчок, и тишина. Артём отёрнул телефон от уха, посмотрел на экран. Вызов сброшен.

Он перезвонил. «Нет соединения». Ещё раз. «Нет соединения».

В комнате что-то задрезжалось. Кружка на тумбочке — та самая, армейская, — мелко тряслась, сдвигаясь к краю. Артём не сразу понял, что это пол дрожит под ним. Потом понял — и вскочил.

Тряска усиливалась. Сначала слабая, как от проезжающего грузовика. Потом сильнее. Кружка упала с тумбочки и разбилась. Осколки брызнули по полу. Кровать заходила ходуном. Артём потерял равновесие, схватился за стену.

За окном сверкнуло. Белая вспышка — ослепительная, как молния, но без грома. Потом ещё одна. И ещё. Небо стало фиолетово-белым — вспышки накладывались одна на другую, не гасли, а разгорались ярче. Такого света Артём не видел никогда — он был не электрическим, не природным, а каким-то... другим. Чужим. Как будто само пространство рвалось на куски и сквозь разрывы сочился свет оттуда.

Трясло так, что зубы стучали. С полки посыпались книги. Где-то в коридоре закричали. Артём стоял, вцепившись в стену, и смотрел в окно.

Небо горело белым.

В ушах нарастал шум — не звук, а именно шум, белый, плотный, как радиопомехи на полной громкости. Он заглушал всё: крики в коридоре, грохот падающих вещей, собственное дыхание. Шум становился громче. Громче. Невыносимо. Артём зажал уши руками — не помогло. Шум был внутри головы.

Краем глаза — темнота уже заливала поле зрения, сознание уплывало — Артём увидел, как за окном, на фоне белого неба, движется тень. Огромная. Вытянутая. Угловатая. Она закрыла полнеба на долю секунды и исчезла — не улетела, а именно исчезла, как будто её выключили. Как будто кто-то переключил канал.

Артём не понял, что это было. Может, птица. Может, самолёт. Может, трещина в реальности.

Шум достиг пика — и оборвался. Вместе с ним оборвалось всё.

Ар

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.